

Завершается ли модерн?

В.С. Мартьянов. Политический проект Модерна. От микроэкономики к мироэкономике: стратегия России в глобализирующемся мире. — М.: РОССПЭН, 2010. — 359 с.

История жизни на Земле знала немало «судных дней», страшных катастроф, уничтоживших порой громадное большинство живых организмов. После них, как правило, возникало нечто совершенно новое. Так, в докембрии впервые появились многоклеточные — до этого более 3 миллиардов лет Землю населяли лишь простейшие, одноклеточные организмы. Очевидно, развитие жизни вовсе не было предопределенным процессом ее восхождения на все более высокие уровни. Человек — не венец эволюции, не неизбежно появляющаяся высшая ступень «цефализации», развития мозга у живых существ.

И в истории человечества много подобных переломных моментов: исход из Африки, формирование отдельных рас, конец верхнего палеолита, неолитическая революция, завершение эпохи древних цивилизаций и т.п. Каждый раз появлялось нечто совершенно новое, не порождавшееся прошлым с необходимостью, в лучшем случае вызревавшее как одна из многочисленных возможностей «выживания» в изменившейся обстановке. Реализуется, как правило, лишь одна из альтернатив, в дальнейшем утверждаясь, распространяясь и вытесняя прежние структуры и способы человеческого отношения к миру.

И одним из подобных «проектов» оказался модерн, возникший первоначально в Западной Европе и осуществивший глобальную экспансию. Монография кандидата политологии, ученого секретаря ИФиП УрО РАН В.С. Мартьянова «Политический проект Модерна» представляет собой попытку философско-исторического осмысления модерна и перспектив России и человечества. Автор не ставит вопроса об истоках этого проекта, не обращается к истории иных цивилизаций в поисках аналогий. Речь действительно идет о совершенно новом способе отношений человека к миру, о «мутации», породившей новый способ существования.

В.С. Мартьянов понимает под модерном прежде всего политический проект, «способ теоретической и идеологической интерпретации политики в условиях капиталистической миросистемы» (с. 14), одно «из предельно абстрактных обществоведческих обобщений... Эта категория общественности и политической философии

хотя и не может быть зафиксирована в реальности, все же обладает не только описательно-классифицирующей способностью в отношении социально-политического бытия, но и в определенной степени эту реальность порождает» (с. 5). Именно поэтому модерн и может быть осмыслен как «проект».

Модерн, по мысли автора, это ответ (с. 12). «Ответом» на «вызов», согласно А. Тойнби, и является цивилизация, в основе которой — заповеди нравственного (и религиозного) характера, указывающие, что нужно делать, как поступать человеческому сообществу и составляющим его индивидам. Вызовом, породившим модерн, стали «фундаментальные фоновые и объективные процессы, связанные с урбанизацией, научно-техническим прогрессом, демографическими трендами, индустриализацией, капитализацией и индивидуализацией различных обществ» (с. 19), то есть, очевидно, становление «техногенной цивилизации» к концу XVIII столетия. Не случайно автор указывает, что политическая концепция модерна «доминирует в определенный период современных обществ, расцвет и мировую экспансию которого можно условно датировать периодом от Великой Французской революции до конца биполярной системы» (с. 14), когда происходит очередная трансформация «привычного институционального модерна» (там же).

Политическая концепция модерна, как считает В.С. Мартьянов, связана с «новым типом европейской рациональности Просвещения и оптимистической верой во всеобщий научно-технический прогресс» (с. 17), с опорой на идеологию либерализма. Главное в проекте — «не стремление к экономической прибыли, а гарантии жизни, свободы, собственности, стремление к счастью, равенство, братство, справедливость, солидарность» (с. 18). Как неоднократно повторяет автор, «политическая концепция модерна во многом стала рефлексией о необходимости преодоления морального коллапса, который капитализм привнес в жизнь модернизирующихся традиционных обществ, когда их осовременивание шло параллельно с отказом от христианских ценностей» (там же). Частично с этой трактовкой можно согласить-

ся, однако представляется преувеличением утверждение о «моральном коллапсе»: капитализм не менее и не более морален, чем рабовладение, феодальный строй либо социализм. Просто это иная мораль. Если, как писал в конце XVII в. Локк, вся собственность носит трудовой характер, то она вполне моральна, а те, кто не владеет ничем, просто лентяи или неудачники. Либерализм же формировался все-таки, в первую очередь, в противостоянии с прежними политическими реалиями «старого режима».

Проект модерна сформировался в Европе, однако в дальнейшем произошла его глобализация. Именно этот процесс и находится в центре внимания автора. Он подчеркивает, что «на периферии капиталистической миросистемы (КМС) дело с воплощением модерна обстоит иначе, чем в той же Европе. Она сталкивается почти исключительно с капиталистическим лицом модерна, испытывает дефицит его реальной политической институционализации, а также страдает от неравновесного обмена» (с. 19). Поэтому В.С. Мартьянов вводит разграничение «модерна как капитализма» и «модерна как политического проекта» (вряд ли оправданное с точки зрения его исходных определений), рассматривает варианты модернизации без либерализма (в иерархических обществах) и модернизации посредством имитации либерализма. Особое внимание уделено «советскому проекту как альтернативному модерну» и России в постсоветском, «постбиполярном» мире (с. 284–333).

Автор приходит к выводу, что «практическая неуниверсальность модерна для всех слоев общества и регионов мира, заявившая о себе в ходе его реализации, вызвала к жизни левые проекты обустройства более эгалитарной миросистемы, прежде всего социалистической» (с. 18). Итак, выясняется, что капитализм для политического проекта модерна вовсе не обязателен, политика относительно независима от способа производства, модернизация может осуществляться и в некапиталистическом варианте. Олицетворением левого поворота к более справедливому будущему для мировой периферии был СССР» (с. 7). Альтернативный модерн рассматривается В.С. Мартьяновым в качестве аутентичного для России, институционально и идейно адаптированного к своим культурно-историческим и природно-климатическим

условиям» (с. 326). «В самом деле, чем опора на классовый подход хуже деления общества на элиты и массы, чем пропаганда достоинств среднего класса собственников? Трудно объяснить вытеснение одной универсальной теории другой иначе как поражением СССР в холодной войне» (с. 44), — правда, на с. 326 «проект трансформации КМ в социалистическую миросистему» характеризуется как «слишком утопический и преждевременный». На наш взгляд, подобное сравнение двух парадигм модерна в теории бесплодно, а на практике преимущество одной из них определяется результатами их воплощения в жизнь. Реальная история не совпадает с навязываемыми ей схемами, не предопределена.

Подробно анализируется автором понятие «постмодерна» — времени перехода, господства «проклятой стороны вещей» модерна, то есть контрмодерна. «Это время ожидания новой нормы, которая абсолютно точно не будет связана с интеллектуально паразитирующим на идейном проекте модерна течением постмодернизма» (с. 197). Однако, как представляется, с постмодернистическим мышлением дело обстоит не так просто и однозначно. Это новый стиль мышления, новая рациональность, а не только конкретные философские либо культурные течения. Современная наука признается «постнеклассической» по своей парадигме. «Постнеклассичность» фило-

софского мышления конца XX — начала XXI вв. — несомненный факт. Сама книга В.С. Мартьянова — прекрасный тому пример, несмотря на отдельные реверансы в сторону марксизма, материализма, теории отражения и т.п. Обратим внимание на вывод автора на с. 24: «Глобализация модерна представляется окончательным мегатрендом развития человечества. Однако эта перспектива является лишь возможностью, которая вовсе не вытекает фатально и автоматически из неких всеобщих законов общественного развития».

Итак, модерн продолжается, «у антиглобалистов даже в теории не существует альтернативного по масштабу проекта взамен модерна и мироэкономики, основанной на принципах капитализма» (с. 269). Сам автор высказывает надежды на возможность более универсального, более космополитического и всечеловеческого будущего. Он подчеркивает привлекательность «мироимперии» глобального модерна, перспективность подобного интеграционного проекта для России на пространстве СНГ. Но ведь это — модерн, а не альтернатива ему.

Следует отметить, что монография В.С. Мартьянова — впечатляющее по замыслу и прекрасно выполненное исследование одной из самых актуальных проблем современной политической философии.

М.М. ШИТИКОВ
кандидат филос. наук,
профессор

